

Нулевой цикл

Ключевые слова: cultural revolution, history, k-waves, knowledge, kondratieff waves, macro factors, megatrends, progress, trends, uncertainty, волны кондратьева, знание, история, культурная революция, макро-факторы, мегатренды, неопределенность, прогресс, тренды, циклы кондратьева

Автор: Федор Рагин

Дата публикации: 02.12.2020

Лицензия: © Федор Рагин. Копирование, распространение или иное использование разрешается после согласия правообладателя.

Кажется, мы с вами последние люди на планете, кто способен всерьёз относиться к романтизму, пусть даже из охранительных чувств – ведь он в наших личностях, сформированных, помимо прочего, советской (и постсоветской) литературной хрестоматией.

Фрейминг иногда перекидывает мосты между дисциплинами. Слушая на «Радио Арзамас» лекцию Андрея Зорина «Любовь, искусство и смерть: романтизм как мироощущение», я подумал, что отличным ответом на вопрос, который в очередной раз услышал, почему большие циклы конъюнктуры – волны Кондратьева – отсчитываются от 1785 года, и что происходило до этого, был бы рассказ о романтизме и его историческом контексте.

Романтизм, говорит Андрей Зорин, это культурная макроэпоха, возникшая в начале 18-го века из переживания европейскими горожанами своего разрыва с крестьянской жизнью, природой и определённым будущим. Романтизм – это страх образованного жителя Парижа, Лондона и Гейдельберга перед личным одиночеством, неопределённым завтра и ограниченным сроком собственного бытия, и, вместе с тем, иррациональная воля вернуть Золотой век и утраченный «природный дом».

Романтизм, если смотреть на него через линзу стратегического анализа, – это «столетний» или «седой» тренд, разворачивающийся в категории социальных макрофакторов и длящийся дольше, чем, по меньшей мере, один цикл Кондратьева. В случае с романтизмом речь идёт о трёхста годах и пяти пронзённых насквозь кондратьевских волнах.

Романтизм – часть европейского Просвещения, которое всей суммой своих составляющих (в том числе и романтизмом) подготовило первый «официально зарегистрированный» цикл Кондратьева, а именно текстильную волну 1785-1845 годов. Иными словами, эпоху Просвещения можно воспринимать как квазиэкономический цикл адаптации и извлечения ценности из технологий городского университетского и прикладного образования, длившийся с первых десятилетий 18-го века до американской и французской революций. То есть, Просвещение сыграло роль «нулевого» цикла Кондратьева или просто было им.

Романтизм – один из трендов, сформировавших «нулевую» кондратьевскую волну. Большинство с ней и завершилось, но некоторые, включая романтизм, протянулись в далёкое будущее. Например, секуляризация, возникшая одновременно с романтизмом, и которая,

кажется, теперь сменяется новой волной клерикализации.

Трёхсотлетняя романтика уходит. Её финал констатирует филолог и историк Андрей Зорин, и это вполне созвучно с ощущениями моего «внутреннего советского человека». Я убеждён, что никто больше не полюбит стихов. Никто не захочет погружаться в прозу о природе и детстве. Аксаков и Руссо будут забыты первыми. За ними последуют Лермонтов и Шиллер. Потом Набоков и Толстой. А превращение Пушкина (в этой части света) и Байрона (в той) в поводы для присвистывания и кручения пальцем у виска вобьёт последний гвоздь в крышку гроба романтической макроэпохи.

Но что идёт на смену? Станислав Лем писал, что мир романтизма нелоялен к своим обитателям, так как в нём воображение и воля постоянно бросают вызов разуму. Но сейчас воля уступает знанию – как заметил один мой думающий друг, а воображение сдаётся статистике. Новая культурная эпоха в этом смысле будет куда более лояльна к своим современникам, но хронологически это уже не про нас.

Постоянный линк: <https://veraviastategy.com/zero-cycle>

2022 Vera Via Strategy Consultants